

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 414–421
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 414–421
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-414-421>, EDN: WEFUG

Научная статья
УДК 323.11(470.44) | 1920/1926|

Эволюция национального состава Саратовской губернии в первой половине 1920-х годов

А. Н. Аверьянова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аверьянова Анна Николаевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Averannna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3451-8145>, AuthorID: 1192101

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в национальном составе Саратовской губернии в первой половине 1920-х гг. по материалам Всероссийской переписи 1920 г., Всесоюзной городской переписи 1923 г. и первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. Изучаются факторы, влиявшие на эволюцию национальной структуры региона. Формулируется вывод о сформированности в основных чертах этнической карты Саратовского края. Выдвигается положение о разработке и проведении первых переписей как о «золотом» периоде советской статистики, оказывавшей огромное воздействие на политику модернизации страны.

Ключевые слова: перепись населения, Саратовская губерния, этнос, национальность, язык, национальная структура, автономия

Для цитирования: Аверьянова А. Н. Эволюция национального состава Саратовской губернии в первой половине 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 414–421. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-414-421>, EDN: WEFUG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s

A. N. Averyanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna N. Averyanova, Averannna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3451-8145>, AuthorID: 1192101

Abstract. The article examines the changes in the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s based on the materials of the All-Russian Census of 1920, the All-Union Urban Census of 1923 and the first All-Union Population Census of 1926. The factors influencing the evolution of the national structure of the region are being studied. The conclusion is made about the formation in the main features of the ethnic map of the Saratov region. The position is put forward on the development and conduct of the first censuses as the “golden” period of Soviet statistics, which had a huge impact on the country's modernization policy.

Keywords: population census, Saratov province, ethnos, nationality, language, national structure, autonomy

For citation: Averyanova A. N. The evolution of the national composition of Saratov province in the first half of the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 414–421 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-414-421>, EDN: WEFUG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первая мировая война и Великая Российская революция привели народное хозяйство страны в плачевное состояние. Распад Российской империи и создание на бывшей ее территории новых государств, массовые и беспорядочные миграционные процессы, повальные эпидемии и болезни делали невозможным выявление хотя бы общих тенденций движения и воспроизводства населения в ходе политических, социальных и экономических катаклизмов Гражданской войны. После установления Советской власти на основной

территории России перед большевиками встала задача восстановления разрушенной экономики и построения государства на новых, продекларированных ими, социалистических принципах. Чтобы все это осуществить, требовалось четкое представление о наличных и утраченных людских и материальных ресурсах. Получить эти сведения можно было исключительно с помощью статистики и прежде всего переписей.

Однако дело осложнялось разрушением имперских статистических органов и медлительно-

стью создания советской статистической системы. Кроме всего прочего, шли постоянные, причем радикальные, изменения административно-территориальных границ. Советское государство не могло воспользоваться данными Первой Всероссийской переписи 1897 г. и Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., поскольку огромные демографические сдвиги сделали эти данные бесполезными с практической точки зрения. Указанные переписи обладали рядом недостатков: в них были пропуски и по территориям, и по отдельным категориям населения (мобилизованные, военнопленные), а крестьяне зачастую уклонялись от опросов из-за предположений о «фискальной» предназначенности переписей. К тому же предметом сельскохозяйственных переписей служил крестьянский двор, а не сельское население в целом [1, с. 126].

Советская власть значимость статистики осознала и пыталась наладить статистический учет. Свидетельством настоящей заинтересованности и потребности Советской власти в регулярном сборе, фиксации и анализе статистической информации с целью понимания происходящих в стране изменений и принятия на их основе управленческих решений стало учреждение в 1918 г. Центрального статистического управления (ЦСУ) [2, с. 1] и губернских статистических бюро (губстатбюро) на местах [3, с. 1]. Заведующих губстатбюро обязали регулярно присутствовать на заседаниях губисполкомов с целью постоянного предоставления статистических данных по самым разным вопросам [4, л. 13].

22 апреля 1920 г. Совнаркомом РСФСР был издан Декрет о производстве переписи. В условиях нехватки кадров и средств было решено совместить демографическую перепись с сельскохозяйственной и учетом промышленных предприятий. Недостаток опыта и поспешность в подготовке и проведении переписи «компенсировались» «революционной дисциплиной и ответственностью»: за любую промашку «статоргана» предписывалось предавать провинившихся суду ревтрибунала [5, с. 140].

В первой советской переписи в качестве основной формы опроса использовались личный листок, квартирная карта и подворная ведомость. Опросная анкета первой переписи включала 18 параметров, в их числе: пол, возраст, национальность, родной язык, гражданство, место рождения, источник средств существования, физические недостатки, психическое здоровье, участие в войнах. В п. 4 личного листка присутствовали вопросы: «а) К какой национальности себя относит; б) Родной язык» [6, с. 6].

Всероссийская перепись 1920 г. «охватила 71 губернию Европейской и Азиатской России». Уже через несколько месяцев отдел демографии ЦСУ опубликовал предварительные итоги подсчета населения в 58 губерниях, как указывал за-

ведующий отделом В. Г. Михайловский, «не без некоторых пробелов». К этому времени не удалось получить сведения «по 7 губерниям Украины, 5 областям Туркестана и из Уральской губернии». Общее число жителей 58 губерний (43 губернии Европейской России, Северный Кавказ, «Сибирь до Байкала», Киргизский край, две губернии «Северной Украины» – Харьковская и Черниговская) оценивалось в 90749635 человек. В. Г. Михайловский указывал, что к началу «империалистической войны» население «тех же» 58 губерний «определялось в 102793424 человека» и оценивал убыль населения за 1914–1920 гг. в «12043789 или 11,7%» [7, с. 3]. Население Саратовской области по результатам предварительных подсчетов оценивалось в 3063422 чел. (2628867 – проживало в сельской местности, 434 555 – в городах) [7, с. 7]. Результаты переписи по сути первого источника информации о составе населения послереволюционной России публиковались вплоть до 1928 г. В конечном итоге, численность населения страны на 28 августа 1920 г. (с доисчислением по территориям, не охваченным переписью) будет оценена в 136,8 млн чел. (доля горожан составила 15% всех жителей страны – 20,9 млн) [7, с. 7]. Интересно, что в завершающей публикации итогов переписи 1920 г. указано количество участников империалистической и гражданской войн по региону страны (в Саратовской губернии были учтены 182506 ветеранов империалистической и 65563 – гражданской войн) [8, с. 176–177].

Сложности при обработке результатов переписей 1920 г., длившейся 8 лет параллельно подсчетам итогов переписей 1923 и 1926 гг., осложненной тяжелой социально-экономической ситуацией и продолжающимися масштабными миграционными и демографическими изменениями, привели к неоднозначной фиксации количественных параметров данных, полученных в ходе опроса населения в 1920 г. Так, по предварительным результатам переписи, подготовленным ЦСУ в 1921 г., число жителей «Саратова с дачными участками» оценивалось в 190193 чел. [9, с. 20], а в осуществленной Саратовским Губстатбюро публикации сравнительных характеристик численности населения городов Саратовской губернии в 1920 и 1923 гг. – на 1803 чел. больше (191 996) [9, с. 6].

После грандиозных катаклизмов предшествующих лет население Саратова существенно сократилось – с 1915 г. на 50 тыс. чел. Результаты переписи подчеркивали трагичность событий революции и Гражданской войны для губернского центра, тем более, что до Первой мировой войны сформировалась устойчивая тенденция прироста населения (в предшествующее войне десятилетие рост составлял 378,9%) [10, л. 87]. Общее количество городского населения в Саратовской губернии по переписи 1920 г. составило 381347 чел. [10, л. 87].

Великороссы в городах Саратовской губернии доминировали – 343003 чел., что составляло 90,0%. Малороссы находились на шестом месте по численности (3090 чел.) и составляли 0,8% горожан губернии, белоруссы входили в десятку наиболее многочисленных этносов, проживавших в городах губернии – 1068 чел. (0,3%). Доля славянского компонента в составе городского населения, таким образом, составляла 91,03%. Вторым по численности этносом в городах Саратовской губернии в 1920 г. стали евреи – 13132 чел. (3,4%) [9, с. 12–13]. Известно, что в годы Первой мировой войны Саратов стал убежищем для многих еврейских беженцев из западных губерний Российской империи, в городе в 1920 г. работали три еврейские школы, детский сад, детский дом, две библиотеки, драматический кружок, клуб имени Леккерта, еврейская богадельня.

Следует отметить, что к концу 1916 г. в Саратовской губернии было размещено до 142064 чел., бежавших от войны из западных регионов страны. По данным В. П. Семьянинова, «к осени 1917 г. в губернии оказалось 20 тыс. поляков, 6 тыс. евреев и тысячи латышей», а «из Киева прибыли около 10 тыс. преподавателей и студентов разных национальностей» [11, с. 135]. В составе созданного в августе 1915 г. в Саратове городского комитета попечения о беженцах, действовали Польский комитет помощи беженцам, а также отделение Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны, местный отдел Литовского общества помощи пострадавшим от войны, Латышский комитет помощи жертвам войн и др. [12, с. 38]. Поток беженцев удалось стабилизировать лишь в начале 1916 г., к весне 1918 г. значительная их часть покинула территорию губернии, однако перепись 1920 г. зафиксировала еще некоторое их количество. Так, существенную долю в составе населения городов Саратовской губернии продолжали составлять поляки – 1,05% (3994 чел.), оставались еще латыши (961 чел. – 0,3%) и литовцы (878 чел. – 0,2%) [9, с. 12–13]. Процесс возвращения беженцев завершился лишь в 1924 г. [12, с. 46]. Исследователи не фиксируют каких-либо межэтнических столкновений с участием беженцев: «Лишь в отдельных местах, например, в с. Багаевка Саратовского уезда, население высказывало претензии к поведению цыган» [11, с. 131]. Наличие проживавших в городах Саратовской губернии цыган (75 чел. по переписи 1920 г.) [9, с. 12–13] свидетельствует о том, что каких-либо последствий эти претензии не имели.

Третьим по количеству этносом в городах губернии, по данным переписи 1920 г., стали немцы – 8396 чел. (2,2%) [9, с. 12–13]. В годы войны, помимо военнопленных, на территорию губернии выслались и немцы-колонисты с мест боевых действий. Так, с территории Польши к середине 1916 г. в губернию прибыло 6,7 тыс. чел.,

общее же количество немцев из западных регионов, размещенных в Саратовской губернии, к этому времени составило примерно 20 тыс. чел. [12, с. 46].

Поволжские немцы, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., составлявшие 6,92% населения губернии, в 1920 г. учитывались отдельно. Декретом СНК РСФСР от 19 октября 1918 г. из части территорий Саратовской и Самарской губерний была создана первая в РСФСР автономная область немцев Поволжья, поначалу носившая наименование «Трудовая коммуна немцев Поволжья» [13, с. 52]. В состав немецкой автономии вошли три уезда. Баронский и Ровненский уезды были сформированы из бывших немецких волостей Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии, а Голо-Карамышский – из бывших немецких волостей Камышинского и Аткарского уездов Саратовской губернии [14, с. 38]. Следует также указать, что в 1919 г. Царицынский уезд отошел во вновь образованную Царицынскую губернию [10, л. 9].

Население Автономной области немцев Поволжья по переписи 1920 г. насчитывало 452629 чел., из которых 442362 чел. (97,73%) – немцы. Русских в автономии проживало немного – 7992 чел., но они являлись вторым по численности этносом немецкой области – 1,77%. Казахов (в переписи они обозначены этнонимом «киргизы») насчитывалось 756 чел. (0,17%), татар – 494 (0,11), малороссов – 271 (0,06), поляков – 175 (0,04), евреев – 147 чел. (0,03%). Также в области проживали несколько десятков литовцев, белоруссов, латышей, эстов (эстонцев), армян [16, с. 32].

Стремительные изменения, охватившие все сферы жизни населения в начале 1920-х гг., привели к быстрой потере актуальности полученных материалов. Ряд советских демографов и историков фиксируют поспешность при проведении переписи 1920 г., однако соглашаются с тем, что в случае ее перенесения на более поздний срок, данные о влиянии негативных процессов начала XX в. на демографическую сферу населения России оказались бы навсегда потерянными [1, с. 146].

Главным фактором, повлиявшим на демографическую ситуацию в Саратовском крае после переписи 1920 г., стал развернувшийся с весны 1921 г. в Поволжье массовый голод. Современники этого страшного события констатировали: «Жестоким испытанием в истории нашего города был период небывалого голода, оставшийся кошмаром и воспоминанием для Поволжья «Черная година» (1920–21 гг.). Убыль населения, несмотря даже на стихийно осаждавшие город толпы голодающих – все продолжалась; тиф косил свою страшную жатву» [10, л. 88]. Всего в Поволжье голод унес более 5 млн человеческих жизней [17, с. 37]. Не лучшим для Саратовского края был и 1922 г.: «редкий урожай», хозяйство

и транспорт, «до основания разрушенные семью годами империалистической и гражданской войны с ее заключительным аккордом – голодом до пределов людоедства» [10, л. 88].

Страшный голод 1921 г., окончание Гражданской войны, образование СССР и начавшийся переход к нэпу привели руководство страны к осознанию необходимости проведения еще одной переписи населения. Соответствующее постановление Совнаркома РСФСР было принято 16 декабря 1922 г., накануне заключения Договора об образовании Союза ССР, а сама Всесоюзная городская перепись населения и промышленная перепись были осуществлены 15 марта 1923 г. Перепись проводилась на всей территории только что образованного СССР. Список населенных пунктов, в которых осуществлялся статистический учет, был утвержден ЦСУ, в него вошли: города, поселения и «населенные места, жители которых занимались преимущественно не сельским хозяйством, а торговлей и промышленностью, если по переписи 1920 г. они имели не менее 2000 жителей» [18, с. 16–17]. Инструментарий переписи состоял из трех формуляров: личного листка, семейной карты и квартирной карты. Личный листок был несколько сокращен, по сравнению с переписью 1920 г. Помимо традиционных вопросов о поле, возрасте, национальности опрашиваемого, перепись содержала и указания на «главное и побочное занятие с указанием ремесла, промысла, должности или специальности», на «социальное положение и место работы»; «наличие и срок безработицы»; «является ли членом деревенского хозяйства и имеет ли связь с этим хозяйством» [18, с. 16–17]. В данной переписи, в отличие от переписи 1920 г., были отражены количественные данные по воинским частям [19, с. 7].

Материалы так называемой «городской» переписи 1923 г. пока не стали предметом специального исследования как во всероссийском масштабе, так и в региональной историографии. Зачастую это связывается «с переписью исключительно городского населения, а отсутствие данных о сельском населении делает ее результаты «неполными» [20, с. 3]. На наш взгляд, недостаточное внимание к переписи 1923 г. можно объяснить наличием «близкой по хронологии» всеобщей переписи СССР 1926 г., к результатам которой и обращаются исследователи более активно. Между тем материалы данной переписи позволили, к примеру, А. И. Репинецкому установить, что вся мелкая розничная торговля в Самарской губернии оказалась в руках нэпманской буржуазии [21, с. 135].

Перепись 1923 г. вновь констатировала убыль городского населения Саратовской губернии: всего за три года (с момента проведения переписи 1920 г.) – на 7% (на 27 тыс. чел.) В Саратове численность населения сократилась на 5,5 тыс. чел., т. е. примерно на 3%. В уездных

городах, кроме Кузнецка, ситуация была схожей, причем «уменьшение населения шло более интенсивно по сравнению с Саратовом» [9, с. 7]. Сокращение численности сотрудники Саратовского Губстатбюро (подсчеты производились под руководством заведующего отделом разработки демографическо-профессиональных переписей В. К. Новинского) справедливо объяснили «общим правилом»: «больше всего пострадали те города, которые острее чувствовали голод, уезды которых больше пострадали от неурожая». Исключение составил Новоузенск, «между тем, как Новоузенский уезд пострадал от неурожая больше, чем другие уезды губернии». Статистики объясняли это следующим образом: во время голода в Новоузенске «тяга в город» «сказалась значительно ярче», что заставило «многих сельских жителей в поисках хлеба и работы переселиться в город». В качестве доказательства была привлечена статистика «по национальному составу Новоузенска»: «В 1923 г. сильно увеличилось как раз число представителей тех национальностей, которые преимущественно живут в сельской местности» [9, с. 7].

В 1923 г. в Саратове проживали 186508 чел., немногим меньше во всех остальных городах губернии – 167836 чел. «За основание» подсчетов национального состава городов губернии был принят «родной язык». Преобладали в составе населения великороссы – 89,9% (319087 чел.), однако их доля в губернском центре (86,3%) была на почти на 8% меньше доли великороссов уездных городах (94,2%). Второй этнос городов Саратовской губернии по переписи 1920 г. (13 132 чел. – 3,4%) – евреи – «перемещаются» на третье место – 7961 чел. (2,2%). Сокращение численности евреев на 5171 чел. (39,4%), как и сокращение великороссов, статистики объяснили «фактором голода»: «Под влиянием голода, в поисках более обеспеченных мест ... евреи, великороссы ... покидают пределы Саратовской губернии». Под эту закономерность, по всей видимости, «подпадают» и белоруссы, доля которых сократилась на 33,7%, а численность – с 1068 чел. в 1920 г. до 708 чел. в 1923 г. [9, с. 12–13].

А увеличение доли немцев на 38% (на 3190 чел.), составивших по переписи 1923 г. 3,3% городского населения (11586 чел.); доли татар – на 37,5% (на 1523 чел.), достигших в 1923 г. численности в 5589 чел. (1,6%); доли мордвы – на 127% (на 404 чел.), численность которых в 1923 г. в городах Саратовской губернии составила 722 чел. (0,2%), а также увеличение доли малороссов до 1,2% в национальном составе городов губернии (их численность за межпереписной период увеличилась с 3090 до 3926 чел.) сотрудники Губстатбюро «обуславливали» также влиянием «фактора голода». Не исключая того, что часть немцев, татар, мордвы «голод заставил

покинуть насиженные места» и выехать «за пределы губернии», все же «превалирующим» для этих этносов процессом считался переезд «в города Саратовской губернии» [9, с. 12–13]. Та же тенденция просматривалась и в отношении казахов (их доля в городах увеличилась на 1556%, а численность выросла с 25 до 389 чел.); чувашей, доля которых выросла на 280,6%, численность – с 31 до 218 чел.; цыган – на 194,7% (численность – с 75 до 221 чел.) [9, с. 12–13].

Сокращение численности поляков в 1920–1923 гг. (с 3994 до 1745 чел. – на 56,3%), латышей (с 961 до 350 чел. – 63,6%), литовцев (с 878 до 181 чел. – на 79,4%) произошло, как отмечают саратовские статистики, потому что «прекращение войны дало возможность покинуть Саратовскую губернию» представителям тех национальностей, которые были сюда занесены войной и революцией» [9, с. 12–13].

Следует отметить, что в 1924 г. сельское хозяйство Саратовской губернии вновь было поражено засухой. Погибло более половины яровых и около 20% озимых посевов [22, с. 248]. Хотя по сравнению с 1921 г., когда от засухи и неурожая в России пострадало примерно 30 млн чел. крестьянского населения, масштабы засухи 1924 г. были менее катастрофичны – 7,8 млн чел. [23, с. 58–59]. Тем не менее в связи с продовольственным кризисом, вызванным очередным недородом, продолжился отток населения из Саратовской губернии. Всего в период с мая по ноябрь 1924 г. на выезд с территории региона было выдано 31684 удостоверения, причем разрешение выехать «целыми семьями» содержалось в 3305 удостоверениях, а разрешение «отдельным членам семьи» – в 28379 удостоверениях [24, л. 7]. Чаще всего покидали губернию жители Вольского, Камышинского, Аткарского, Балашовского и Петровского уездов. Уезжали на Кавказ, Кубань, в Ташкент, Сибирь, Астрахань, Закаспийский край, Украину и в центральные города страны. Заметной была миграция из уездов в губернский центр – Саратов [24, л. 7, 8, 8 а]. Фиксировались и многочисленные случаи выездов без каких-либо удостоверений. К примеру, в Новоузенском уезде 62 чел. выехали без документов [24, л. 4].

Успехи НЭПа, завершение восстановительных процессов, необходимость перехода к политике индустриализации и реконструкции промышленности на новой технологической базе, постепенное осознание большевистским руководством страны неизбежности строительства социализма «в одиночку» привели к необходимости проведения всеобщей переписи населения страны [25, с. 89]. Следует отметить, что перепись 1926 г. готовили высококвалифицированные статистики-демографы с дореволюционным стажем и блестящим образованием. Ведущую роль в подготовке сыграл Василий Григорьевич

Михайловский, который с 1918 г. руководил отделом демографической статистики ЦСУ РСФСР, имел опыт руководства 35 различными переписями населения, а также был известен научными работами, посвященными анализу российских переписей 1897 и 1920 гг., а также первой Всесоюзной переписи 1926 г. [26, с. 98–99]. После того, как за два месяца до начала первой Всесоюзной переписи Михайловский умер, общее руководство проведением переписи и публикацией ее итогов осуществлял Олимпий Аристархович Квиткин, обучавшийся в Сорбонне, изучавший опыт проведения переписей населения в Германии. После публикации материалов переписи 1926 г. он возглавлял Бюро переписи населения ЦСУ, с 1931 г. получившее новое название ЦУНХУ при Госплане СССР. Именно здесь была сосредоточена вся подготовка к проведению и второй Всесоюзной переписи населения. После объявления переписи 1937 г. «вредительской» О. А. Квиткин в числе ответственных за ее проведение был расстрелян [27, с. 192–224].

При проведении переписи 1926 г. в основном была сохранена преемственная связь с первой советской переписью 1920 г. и городской переписью 1923 г. Среди четырех опросных формуляров выделялся по-прежнему личный листок, являвшийся основным формуляром для установления численности и состава населения всего Союза ССР. Наиболее острые споры среди статистиков вызвали содержание и формулировки четвертого и пятого вопросов: о народности и родном языке. Как указывает Н. Я. Воробьев, «разногласия выражали стремление, во-первых, дать картину этнографического или племенного состава населения; во-вторых, отразить национальный состав населения в том виде, как он складывался в результате послереволюционного самоопределения национальностей» [11, с. 127]. В конечном счете ЦСУ утвердило формулировку «народность». По этому поводу В. Г. Михайловский писал: «Ныне (в отличие от переписи 1920 г. – А. А.) в личном листке вместо термина «национальность» употреблен термин «народность» именно с целью подчеркнуть, что здесь ожидается ответ на вопрос о племенном происхождении, т. е. о принадлежности к той или иной этнической группе населения» [28, с. 47]. В документах переписи 1926 г. «великороссы» стали именоваться «русскими», «малороссы» – «украинцами», «белороссы» – «белорусами».

В «Наставлении о том, как писать ответы на вопросы личного листка» по поводу вопроса о «народности», подчеркивалось, что перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, поэтому в ответах на 4-й вопрос не следует заменять народность религией, подданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Отсюда следовало, что регистрация народности должна

была основываться на самоопределении опрашиваемых. Представляет интерес замечание о том, что «в случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдастся народности матери». По поводу вопроса о родном языке в «Наставлении» отмечалось, что «родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит» [18, с. 28].

Учет населения и публикация итогов переписи были осуществлены в соответствии с проведенным для этого экономико-географическим районированием [17, с. 37]. Саратовская губерния в 1926 г., наряду с Астраханской и Сталинградской губерниями, Калмыцкая область, АССР Немцев Поволжья, была отнесена к Нижне-Волжскому району, и была по площади и количеству населения в этом регионе самой большой [29, л. 9]. В 1926 г. Саратовская губерния с площадью 90518 кв. км. состояла из 9 уездов, 8 из которых (Аткарский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Саратовский, Сердобский) располагались на правом берегу Волги, а один, Новоузенский уезд, находился на левом берегу. Ранее существовавший Хвалынский уезд был упразднен в 1923 г.

Накануне первой Всесоюзной переписи населения Саратовское Губстатбюро опубликовало данные по расселению этносов на территории губернии на 1 января 1926 г. Согласно приведенным саратовскими статистиками данным великороссы в Сердобском уезде составляли все его население, в Барановской волости Вольского уезда – 99%, в Аткарской волости Аткарского уезда и Саратовской волости Саратовского уезда – 98%, в Коломенской волости Аткарского уезда – 97%, в Аркадакской волости Балашовского уезда – 95%, в Петровской волости Петровского уезда – 91%, в Дергачевской волости Новоузенского уезда – 89%, в Анненковской волости Кузнецкого уезда – 87%, Верхне-Добринской волости Камышинского уезда – 82% [30, с. 32–35].

Малороссы доминировали в Самойловской волости Балашовского уезда – 85%. В Котовской волости Камышинского уезда малороссов было более двух третей – 69%, в Поповской волости Саратовского уезда – 39%, в Большой Копенской волости Аткарского уезда – 30%. На Левобережье малороссов было немного, лишь в Натальинской волости Новоузенского района они составляли почти четверть населения – 23%. В этой же волости фиксировалась значительная доля немецкого населения – 22%. Татары доминировали в Алтатинской волости Новоузенского уезда, в Старо-Кулаткинской волости Вольского уезда и Старо-Атлашинской волости Кузнецкого уезда – по 79%. Четверть татар и 60% мордвы было зафиксировано в составе населения Старо-Захаркинской волости Петровского уезда. Мордва была доминирующим этносом в Наскафтынской волости

Кузнецкого района – 84%. Чуваши компактно проживали в Неверкинской волости Кузнецкого уезда – 20%, в Вязовской волости Вольского уезда и Порзовской волости Петровского уезда – по 14% [30, с. 32–35].

17 декабря 1926 г., как и по всей стране, в Саратовской губернии и АССР НП была проведена первая Всесоюзная перепись населения, подведение ее итогов завершилось лишь в сентябре 1928 г. Тогда же и были обнародованы данные по национальному составу Саратовского края. Следует отметить, что, по сравнению с переписью 1897 г., национальный состав Саратовского Поволжья стал более разнообразным – количество населяющих его этносов увеличилось с 47% до 62% [31, с. 18]. В Саратовской губернии, по данным переписи, проживали 2897363 чел. [32, с. 454]. Самым многочисленным народом губернии являлись русские – 2345150 чел., что составляло 80,9%. Вторым по численности этносом губернии были украинцы – 202279 чел. (7,4%). В пятерку наиболее многочисленных народов вошли также мордва – 154874 чел. (5,3%), татары – 115313 чел. (4%) и немцы – 41214 чел. (1,4%). Менее 1% составляла доля чувашей – 0,6% (17153 чел.), евреев – 0,3% (7481 чел.), казахов – 0,2% (4876 чел.), белорусов – 0,11% (2137 чел.), поляков – 0,1% (2130 чел.) [31, с. 27].

Перепись 1926 г. в основном подтвердила ранее произведенные расчеты саратовских статистиков, в частности, факт этнического доминирования русских в Сердобском уезде – 325896 чел. (99%). Этническое большинство русских перепись зафиксировала в Вольском уезде – 349362 чел. (89,1%), в Аткарском – 248112 чел. (88,4%), Балашовском – 406658 чел. (82,9%), Новоузенском – 132630 чел. (80,38%), Саратовском – 314780 чел. (79,6%), Петровском – 232578 чел. (71,8%), Камышинском – 139836 чел. (69,6%), Кузнецком уезде – 175298 чел. (54,7%) [32, с. 528–529].

Доля украинцев наиболее значительной была в Камышинском уезде – 28,6% (57607 чел.). Компактное расселение украинцев фиксировалось в Балашовском уезде – 80072 чел. (16,3%), Аткарском – 30048 чел. (10,7%), Новоузенском – 13646 чел. (8,3%), Саратовском уезде – 17072 чел. (4,3%). Больше всего татар проживало в Кузнецком уезде – 64993 чел. (20,2%). Татары также жили в Вольском уезде – 21700 чел. (5,5%), в Петровском – 17227 чел. (5,3%), Новоузенском уезде – 7567 чел. (4,6%). В Саратовском уезде перепись фиксировала довольно большую группу представителей еврейского этноса – 6751 чел. (1,7%). Немецкое население в губернии концентрировалось в Саратовском уезде – 26334 чел. (6,7%), Новоузенском – 5234 чел. (3,2%), Камышинском уезде – 2946 чел. (1,5%) [32, с. 528–534].

Данные Всесоюзной переписи 1926 г. отразили увеличение мордовского населения в межпереписной период. Это объясняется более высо-

ким уровнем естественного прироста в районах преимущественного проживания мордвы в Саратовской губернии. Численность мордовского населения в Саратовской губернии составила 154 874 чел. В городской местности насчитывалось 1 451 чел., сельской – 153 423 чел. [32, с. 528–534].

Чуваши населяли преимущественно Петровский уезд – 2893 чел. (16,9%), Вольский уезд – 5082 чел. (29,6%) и Кузнецкий уезд – 9117 чел. (53,2%) [32, с. 528–534]. Общее число чувашского населения Саратовской губернии в 1926 г. составляло 17152 чел. [32, с. 528–534].

Территорию АССР немцев Поволжья, по данным переписи 1926 г., населяли 571400 чел., этническое большинство в республике составляли немцы – более 66% (379630 чел.). Большинство кантонов АССР НП можно отнести к мононациональным. Так, в Марксштадтском кантоне немцы составляли 99,4% (54917 чел.), Франкском – 99,4% (34331), Красноярском – 99,3% (21942 чел.), в Куккусском – 98,82% (22840 чел.), Мариентальском – 98,2% (26209 чел.), Каменском – 97,5% (54881 чел.). В некоторых кантонах немцы составляли этническое меньшинство. Так, в Старополтавском кантоне их насчитывалось 6708 чел. (33,07%), в Фёдоровском – 13063 чел. (30,1%), в Покровском – 1941 чел. (9,03%). В столице АССР НП Покровске немцев было всего 4133 чел., что составляло 12,03% населения города, в Красном Куте – 940 чел. (12,4%). Половину и более немцы составляли в следующих кантонах: Краснокутском – 23950 чел. (51,7%), Зельманском – 18014 чел. (53%), Палласовском – 18776 чел. (61,8%) [32, с. 538–539].

А вот Золотовский кантон был «русским», немцев здесь было всего 229 чел. (0,86%), 4,83% составляли украинцы (1272 чел.), остальные 24775 чел. (94,09%) – русские. Они же составляли 60% населения Красного Кута, 52,5% – г. Покровска, 45% населения Фёдоровского кантона, 37% – Зельманского кантона, 32% – Краснокутского кантона. Меньше 1% русские составляли в Куккусском кантоне – 0,9%, Франкском – 0,5%, Марксштадтском – 0,4%. Значительную долю населения кантонов АССР НП составляли украинцы. В Покровске их было 11454 чел. (33,3%), в Покровском кантоне украинцы доминировали – 17105 чел. (79,6%), в Старополтавском кантоне украинцы составляли 45%, в Палласовском – 27%, в Красном Куте – четверть населения, в Фёдоровском кантоне – 22% [32, с. 538–539].

Таким образом, перепись 1926 г. зафиксировала сложившуюся после революционных потрясений этническую карту региона. Вся последующая этноконфессиональная история Саратовского края будет представлена картиной радикальной трансформации национальной структуры в ходе депортации поволжских немцев и активного заселения постдепортационной территории

в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, попыток восстановить близкую к 1920-м гг. национальную структуру края в годы перестройки, а также в процессе столь же масштабных ее изменений в ходе миграционных процессов, развернувшихся в России после распада СССР.

Несмотря на то, что вопросы проведения переписей и эволюции количественных и качественных изменений населения через динамику социально-демографических процессов получили развёрнутый научный анализ только на рубеже 1980–1990 гг., в работах В. М. Селунской [33] и В. Б. Жиромской [34], 20-е гг. XX в. можно назвать золотым временем отечественной статистики: за 8 лет было проведено сразу 4 переписи населения, в том числе – первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. Молодая власть осознавала, что без четкого и ясного представления о состоянии и тенденциях развития экономических, демографических, социальных процессов не удастся сформировать внутреннюю политику государства, а также определить стратегию модернизации страны. Без информации о социальной динамике, составе семьи, уровне и источнике доходов, грамотности, бытовых условиях жизни населения нельзя было разработать и реализовать новую социальную политику, без ясного представления о численности и размещении представителей различных этносов было невозможно проводить конструктивную национальную политику и выстраивать идеологию многонационального государства.

Список литературы

1. Нефедова М. В. Демографическая перепись 1920 г. как источник по истории сельского населения Западной Сибири // Демографическая история России и регионов : сборник научных трудов : в 2 вып. Вып. I : Проблемы источников / Институт истории Сибирского отделения РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт истории СО РАН / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : Апельсин, 2016. С. 125–147.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров О Государственной Статистике (Положение). 25 июля 1918 года // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 30 июля 1918 г. № 160.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров О Местных Статистических Учреждениях (Положение) // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 16 сентября 1918 г. № 200.
4. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521 (Саратовский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1928 (Губисполком). Оп. 1. Д. 2260.
5. Воблый В. К. Переписи населения (их история и организация). М. ; Л. : Госпланиздат, 1940. 160 с.

6. Труды Центрального Статистического управления : в 35 т. Т. 1, вып. 1 : Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России (Серия 1, вып. 1 работ Отдела Демографии). М. : 14-я типография Моск. Сов. Нар. Хоз., 1921. 14 с.
7. Труды Центрального Статистического Управления : в 35 т. Т. 1, вып. 3 : Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М. : 14-я типография Моск. Сов. Нар. Хоз., 1921. 19 с.
8. Итоги переписи населения 1920 г. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1928. 188 с.
9. Население городов Саратовской губернии в 1923 г. / Сарат. губ. стат. бюро. Саратов : Тип. № 3 Полиграфпрома, 1924. 83 с.
10. ГАСО. Ф. 1279 (Коллекция краеведческих документов по истории Саратовской губернии, края, области). Оп. 1. Д. 78.
11. Семьянинов В. П. Саратовская губерния в годы мировой войны // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX–начале XX веков : межвузовский сборник статей / ред. П. С. Кабытов. Куйбышев : КГУ, 1986. С. 129–142.
12. Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов : Научная книга, 2007. 124 с.
13. Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000. 320 с.
14. Шпак А. А. Административно-территориальные преобразования в Неповолжье, 1764–1944 гг. Волгоград : Царицынская полиграфическая компания, 2012. 385 с.
15. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-е января 1926 г. / РСФСР. Нар. комиссариат внутр. дел. Стат. бюро. М. : Изд-во Главного Управления Коммунального Хозяйства, 1926. 284 с.
16. Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923 гг. (За пять лет работы Ц. С. У.) : в 34 т. Т. 18 / ред. М. А. Красильников. М. : Б. и. (тип. М. К. Х.), 1924. 481 с.
17. Красная эпоха. 70-летняя история СССР / под ред. А. А. Красновского. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 208 с.
18. Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 2-е изд. М. : Государственное статистическое издательство, 1957. 108 с.
19. Серебряков В. И. Итоги переписи городов и поселений городского типа Саратовской губернии 15 марта 1923 г. // Статистический сборник по Саратовской губернии 1923 г. Саратов : Тип. № 2 Полиграфпрома, 1923. 83 с.
20. Борцик Н. Д. Всероссийская городская перепись 1923 г. в Крыму (по материалам Государственного архива Республики Крым) // Научный вестник Крыма. № 2 / гл. ред. Д. В. Шевцов. Курск : АНО «Центр «Полилогос», 2022. С. 1–8.
21. Репинецкий А. И. Нэпманы – «новые русские» 1920-х гг. (по материалам Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 133–138.
22. Энциклопедия Саратовского края: в очерках, событиях, именах / ред. А. И. Аврус. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2002. 687 с.
23. Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921–1925 гг. // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2019. № 3. С. 51–66.
24. ГАСО. Ф. Р-1 (Саратовский губернский статистический отдел). Оп. 1. Д. 323.
25. Елисева И. И., Дмитриев А. Л. История российской государственной статистики : 1811–2011. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
26. Корнеев В. П. Видные деятели отечественной статистики. М. : Финансы и статистика, 1993. 198 с.
27. Пирожков С. И. Жизнь и творческая деятельность О. А. Квиткина // Демографические тетради : в 9 вып. Вып. 9. Киев : Институт экономики АН УССР, 1974. С. 192–224.
28. Михайловский В. Г. Всесоюзная перепись населения. М. : Издательство ЦСУ СССР, 1926. 444 с.
29. ГАСО. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 42.
30. Статистический ежегодник (справочник) на 1926 г. Саратов : Издательство Саратовского губернского статистического бюро, 1926. 497 с.
31. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / сост. Н. А. Араловец, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев. М. : Институт истории СССР, 1991. 238 с.
32. Всесоюзная перепись населения 1926 г. : в 10 т. Т. 3. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1928. 637 с.
33. Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М. : Политиздат, 1987. 288 с.
34. Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М. : Наука, 1996. 154 с.

Поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 09.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 09.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024